
Традиция акафистной молитвы в духовной поэзии С.А. Есенина

© О. Е. ВОРОНОВА,
доктор филологических наук

В статье прослеживается влияние православной акафистной традиции в духовной поэзии С.А. Есенина.

Ключевые слова: С.А. Есенин, православная традиция, духовная поэзия, акафистная молитва, «Акафист Пресвятой Богородице».

The article traces the influence of orthodox akathist tradition in S.A. Esenin's spiritual verse.

Key words: S.A. Esenin, orthodox tradition, spiritual verse, akathist prayer, «Akathist to Holy Mother of God».

«Молитвословность» ранней лирики Есенина – неотъемлемая черта его поэтики. Более того – всепроникающий характер молитвенного элемента в художественной структуре его произведений позволяет говорить о том, что поэтический текст Есенина во всей своей духовно-эстетической целостности воспроизводит сложную и одновременно стройную архитектонику православной молитвы. Это проявляется на всех уровнях есенинского идиостиля, в органичной взаимосвязи его лексико-фразеологических, синтаксических, семантических характеристик.

И это не случайно. Свойственное многим русским поэтам – носителям православного сознания – понимание того, что поэзия есть младшая сестра молитвы, ее мирской двойник, было присуще и Есенину. Искренность, простота, естественность сердечного порыва, характерные для православной молитвы, заключали в себе, с его точки зрения, высший этический и эстетический канон и для поэта, творящего вне церковной традиции. Видя в молитвенном творчестве прообраз подлинного искусства, поэт сочувственно цитировал в своем трактате «Отчее слово» фрагмент проповеди одного из духовных пастырей русского средневековья: «Выбирайте в молитвах своих такие слова, над которыми горит язык Божий, – говорил Макарий Желтоводский своим ученикам, – в них есть спасение грешников и рай праведных» [1. Т. V. С. 181].

Примечательно, что «спасением грешников» и «раем праведных» в «Акафисте Пресвятой Богородице» именуют Богородицу. Под воздействием этого памятника православной культуры создавались в старину не только молитвы, но и так называемые «акафистные» иконы: «Покров Пресвятой Богородицы», «Неопалимая Купина», «Невеста Невестная» и другие. Влияние их образного ряда ощутимо в таких стихотворениях Есенина, как «Чую радуницу Божью...», «Не в моего ты Бога верила...», «Сыплет черемуха снегом...».

Когда Есенин пишет: «Радугой тайные вести / Светятся в душу мою. / Думаю я о невесте, // Только о ней лишь пою...» [Т. I. С. 34] – всякому, кто знаком с духовной семантикой цвета и света на русских иконах, с христианской символикой радуги как Божьего знамения, а по крестьянским представлениям – Богородичного пояса – становится очевидным второй, подтекстовый смысл этих строк, из которого явствует, что речь идет не только о земной невесте лирического героя, но и о Пречистой Деве – Невесте Невестной – и о молитвенном к ней уповании. Когда в душе крестьянского юноши «светит радость испоконная / Неопалимой Купиной» [Т. IV. С. 124], мы понимаем, что поэт вновь обращается к «неизреченной» духовности Богородичной иконы «Неопалимая Купина» и отражению ее лика в акафистных молитвах.

В «Акафисте Пресвятой Богородице» образ Богоматери предстает во всем великолепии духовных красот: «заря таинственного дня», «древо светло-плодовитое», «цвет нетления», «лестница небесная», «дверь спасения», «нерушимая стена» и т.п.

Ее высшие достоинства передаются в обилии выразительных эпитетов:

О Всепетая Мати, рождающая всех святых
Святейшее Слово...
О Пресвятая Дево Мати Господа,
Царице Небесе и земли... [2. С. 62].

Есенинские поэтические обращения к родине строятся по аналогичной модели: усилительная частица-междометие «о» открывает лирико-патриотическое обращение к «деве Руси», затем следуют распространенные эпитеты-приложения. При этом «акафистный» стиль в стихах Есенина о родине мотивируется особым почитанием Богородицы как небесной покровительницы Руси в крестьянской среде, отсюда естественный параллелизм этих образов в поэме «Пришествие»:

О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла ты на твердь [Т. II. С. 47].

Контаминацию заступнических функций Богородицы со спасительно-искупительной миссией самого Христа отметила в этой строфе американская исследовательница Мария Павловски: «Богородица, милостивая заступница за человечество перед Божьим судом, — русская разновидность искупления. Русь находилась под ее покровительством. В этой строфе именно она совершила исторический подвиг Христа» [3].

Действительно, в свой поэтический «акафист», обращенный к «Руси-Приснодеве», Есенин включает пасхальный тропарь, где выражение «смертию смерть поправ» относится именно к Христу: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» [4. С. 127].

Сочетание «акафистных» и «иконических» черт в облике Богородицы характеризует один из самых классических образов родины в поэзии Есенина, связующих воедино землю и небо:

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску... [Т. I. С. 83].

В этой строфе отчетливо проступают знаки Богородичного присутствия на русской земле, которую духовная традиция издавна именуется «Домом Богородицы». Иконичность образа «девы Руси» подчеркивается здесь цветовыми ассоциациями, ведь сочетание синего и красного цветов является на православных иконах знаком Богородицы, изображаемой обычно в одеянии синего цвета, поверх которого накинута красная (малиновый, вишневый) плат, что символизирует сочетание в ней двух начал: небесного и земного, девства и материнства.

В контексте акафистной традиции вполне органичным воспринимается поистине культовое отношение поэта к родине, которое подчеркивается, в том числе, лексически. Если Тютчев в известном

стихотворении «Умом Россию не понять...» выражает свое патриотическое чувство глаголом «верить» («В Россию можно только верить...»), то Есенин усиливает религиозный подтекст своего признания в любви к родной земле с помощью глагола «веровать»:

О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую [Т. IV. С. 115].

Акафистная символика позволяет выявить полноту религиозного чувства и в загадочных, на первый взгляд, строках из поэмы «Октоих»:

...Тот, кто мыслил Девой,
Взойдет в корабль звезды [Т. II. С. 45].

Дело в том, что в «Акафисте Пресвятой Богородице» оба слова («корабль» и «звезда») используются в качестве устойчивых наименований Богородицы: «Радуйся, Звезда, являющая Солнце!» (Икос 1); «Радуйся, кораблю хотящих спастися; / Радуйся, пристанище житейских плаваний...» (Икос 9).

Традиционные христианские символы «корабля» и «звезды» значуют здесь весь спасенный мир, грядущее Богочеловечество, мировую общину верующих, «мысливших Девой», то есть хранивших в душах святой образ Богоматери, явившей миру «Солнце истины», «Солнце нашего братства», как именуется Есенин Христа в «Ключах Марии» [Т. V. С. 212].

В стихотворении «О Матерь Божья, / Спади звездой...» Есенин, как нам представляется, вновь использует символический потенциал акафистной образности. Ведь Богоматерь действительно промыслительно выступает в нем в образе «Звезды, являющей Солнце» («Акафист Пресвятой Богородице», икос 1). В своей «просительной» молитве поэт обращается к ней как к Богоматери-мироустроительнице, наделенной, подобно Христу, чертами демиурга, Творца вселенной:

Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.
И да възграет
В ней, слава день,
Земного рая
Святой младень [Т. I. С. 119–120].

И вновь в поэтическом «акафисте» Есенина ощущается «соприсутствие» Богородичных икон, причём особого типа – «Умиление» и «Взыграние», на которых особо подчеркивается нежная любовь Богоматери к младенцу, а сам он изображен в его детской резвости и живости.

(Аналогичный прием поэтики «ожившей иконы» Есенин использует и в маленьких поэмах – «детских апокрифах» «Исус младенец» и «Колоб», соединив в парадоксальном синтезе черты лубка и фрески).

Традиция акафистной молитвы просвечивает и в одном из вершинных стихотворений Есенина «Письмо матери» (1924). Вечная тема Матери и Сына пронизана в нем свечением высшей духовности:

Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет [Т. I. С. 179].

Мотив «несказанного света» восходит здесь к «неизреченному свету» из «Акафиста Пресвятой Богородице» [2. С. 57], а образ «вечернего света» – к богослужебному песнопению «Свете тихий...» [5, 6].

Поэт, используя тонкую и прозрачную аллюзию, переносит метафорические именованья Богоматери из «Акафиста Пресвятой Богородице» («помощь», «отрада», «свет») на образ земной матери.

В молитве к Пресвятой Богородице читаем: «Свет невечерний рождающая, душу мою ослепшую просвети». Храня эту молитву в своей памяти с детства, поэт слегка видоизменяет ее, мотивируя появление образа «вечернего света» сыновней нежностью к стареющей матери и подтекстовой параллелью «старость – “вечер” жизни». При этом он сохраняет лирически взволнованную эмоцию покаяния и преклонения перед матерью, интерпретируя ее через биографический «код» собственной драматической судьбы.

Те чувства, которыми отмечена молитва Пресвятой Богородице: «...уврачай души моя многолетние страсти ... Волнующаяся житейскою бурей, ко стези мя покаяния направи...» [2. С. 8], характерны и для лирического героя есенинского стихотворения. Так выявляется в подтексте стихотворения параллель между земной матерью поэта и его небесной покровительницей, в чей животворный Покров он «поверил от рожденья» [Т. I. С. 57]. В безрелигиозную эпоху поэт сумел найти глубоко укорененному в народной душе идеальному архетипу Богородицы земной аналог – святую материнскую любовь, создать, по существу, светскую молитву, обращенную к Матери человеческой.

В лирических обращениях Есенина и к Родине-Руси, и к Матери человеческой то явно, то имплицитно присутствует поэтически преображенная акафистная традиция, молитвословное «Богоматеринское» начало, превращая мирское в сакральное, согревая земную юдоль свечением высшей духовности.

Литература

1. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч. В 7 т. (9 кн.). 1995–2001. Далее указ. только том и стр.
2. *Акафист Пресвятой Богородице* // Православный молитвослов и Псалтирь. М., 1980.
3. *Павловски М.* Религия русского народа в поэзии Есенина // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. М., 1997. С. 105.
4. Православный молитвослов. М., 1970.
5. *Аверинцев С.С.* У истоков поэтической образности византийского искусства // Древнерусское искусство. М., 1975. С. 431.
6. Всенощное бдение и Литургия. М., 1991. С. 11.

*Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина*